

ЭССЕ

ЦИФРОВОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РОДИТЕЛЕЙ НА ОБЩЕНИЕ С РЕБЕНКОМ

Е. В. Ерохина

Оренбургский государственный университет
460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13

Аннотация

Цифровые технологии и искусственный интеллект находят все более широкое применение в различных сферах жизни и могут быть использованы не только для решения текущих утилитарных и ныне уже общеизвестных задач, которые обуславливают написание компьютерного кода, но и в качестве технических гарантий реализации прав детей и родителя, проживающих раздельно, на общение. Цель исследования сводится к тому, чтобы описать концептуальные рамки известной за рубежом модели «виртуального родительства» как дополнительного способа общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, и обосновать возможность применения данного способа построения семейных отношений и их соответствующей регламентации в конфликтной стадии в рамках российского правового поля. Для достижения данной цели с применением формально-юридической методологии автором представлен сравнительно-правовой обзор использования современных зарубежных приложений (компьютерных программ), позволяющих обеспечить нейтральную цифровую среду для такого общения. В ходе исследования также в необходимой мере были проанализированы труды из иных областей, прежде всего психологии и социологии, что обусловлено необходимостью «тонкой настройки» межличностных отношений в рамках изучаемого сложнейшего социального института. В эссе анализируется и обосновывается необходимость создания и внедрения приложения, которое могло бы иметь условное название «Территория семейного общения и доверия» как государственной онлайн-платформы с искусственным интеллектом, позволяющей осуществлять виртуальное общение ребенка и родителя. Изучение правоприменительной практики демонстрирует, что, несмотря на предоставление современными правовыми актами родителю, проживающему отдельно, права на общение и участие в воспитании ребенка, реализация этого права при сопротивлении второго родителя затруднительна, а в ряде случаев и невозможна. В работе отстаивается точка зрения о том, что доступ к платформе в некоторых случаях должен предоставляться государственным органам (например, судебным приставам), а цифровые отчеты должны получать юридическую силу доказательств. Автор приходит к выводу, что в цифровую эпоху необходимо использовать возможности технологий и искусственного интеллекта для институциональной поддержки семьи и общества, в том числе при реализации права на семейное общение и для профилактики потенциальных злоупотреблений со стороны одного из родителей.

Ключевые слова

цифровые технологии, искусственный интеллект, семейное право, развод, наилучшие интересы ребенка, право родителя на общение и воспитание

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования

Ерохина, Е. В. (2025). Цифровое родительство: технологии и искусственный интеллект в механизме реализации права родителей на общение с ребенком. *Цифровое право*, 6(3), 34–66. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2025-6-13>

Поступило: 01.07.2025; принято в печать: 21.08.2025, опубликовано: 30.09.2025

ESSAYS

DIGITAL PARENTING: TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE REALIZATION OF PARENTS' RIGHTS TO COMMUNICATE WITH THE CHILD

Elena V. Erokhina

Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, Russia, 460018

Abstract

Digital technologies and artificial intelligence, which are increasingly used to address general tasks across all areas of society, may also serve as technical means for enforcing the rights of children and separately-living parents to maintain contact with one another. Delineating the internationally recognized conceptual model of “virtual parenting” as an additional means of communication between a child and a parent residing separately, the study substantiates the possibility of applying such a model to the construction of family relationships and corresponding regulation at the conflict stage within the Russian legal framework. Using a formal legal methodology, the author provides a comparative legal review of the application of contemporary foreign applications (software programs) designed to ensure a neutral digital environment for such communication. Due to the need for “fine-tuning” interpersonal relationships within the framework of the family, representing one of the most complex social institutions, works from other disciplines—primarily psychology and sociology—were also analyzed. The need to develop and implement a state-run online platform—provisionally entitled “The Territory of Family Communication and Trust”—powered by artificial intelligence for enabling virtual communication between a child and a parent is outlined. An examination of law enforcement and judicial practice demonstrates that, despite modern legal systems formally granting a separately residing parent the right to communicate with—and participate

in the upbringing of—a child, in cases of resistance by the other parent, the practical realization of this right becomes difficult and, in some cases, impossible. It is argued that, in certain cases, access to such a platform should be granted to state authorities (for example, bailiffs), and that digital reports generated by the platform should be endowed with evidentiary legal force. It is concluded that, in the digital era, it is necessary to leverage the capabilities of technologies and artificial intelligence to support family and society institutionally through a more flexible mechanism for enforcing the right to family communication and preventing potential abuses by one of the parents.

Keywords

digital technologies, artificial intelligence, family law, divorce, best interests of the child, right to communication and upbringing

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study has no sponsorship.

For citation Erokhina, E. V. (2025). Digital parenting: Technologies and artificial intelligence in the realization of parents' rights to communicate with the child. *Digital Law Journal*, 6(3), 34–66. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2025-6-13>

Submitted: 1 July 2025, accepted: 21 Aug. 2025, published: 30 Sep. 2025

Постановка проблемы

Цифровые технологии уже создали новый мир социальных коммуникаций, особенно для молодежи, активно использующей текстовые сообщения, электронную почту, социальные мессенджеры и иные инструменты цифрового общения. Поскольку технологии все больше интегрируются в повседневную жизнь и сферу коммуникации, то важно изучить возможности, которые они предоставляют членам семьи, в том числе для сохранения родственных отношений с ребенком после расторжения брака.

Сохранение эмоциональных родственных отношений между родителями и детьми после расторжения брака является достаточно сложной и многогранной проблемой как с точки зрения психологии, социологии, так и с точки зрения права. Одной из значимых проблем, стоящих перед семейным правом, является эффективное поддержание возможности общения ребенка с родителем, проживающим отдельно.

В контексте развития цифровых технологий наше исследование фокусируется на способность современного законодательства обеспечить права несовершеннолетнего и отдельно проживающего родителя на общение в краткосрочный период и поддержании семейно-родственных связей в долгосрочной перспективе за счет имплементации известной зарубежным правовым порядкам модели «виртуального родительства» в российское правовое пространство. В связи с отсутствием в российском законодательстве прямых запретов на установление в судебном порядке графика онлайн-общения в работе обосновывается целесообразность разработки государственной цифровой платформы для реализации закрепленного в отечественном законодательстве принципа паритета родительских прав и права ребенка на полноценное общение с обоими родителями.

Цель исследования заключается в обосновании возможности использования модели «виртуального родительства» при должной адаптации к правовой системе России через регламентацию отношений по имплементации цифровых технологий для соблюдения прав членов семьи после расторжения брака.

Исследование базируется на методологическом принципе междисциплинарности, что отражает современную тенденцию интеграции различных областей научного знания. В работе рассматриваются юридические, социологические, психологические и технологические аспекты проблемы. Данный подход позволяет избежать односторонности и создать многомерную модель анализа проблематики реализации родительских прав разведенных родителей в цифровую эпоху. Применяются формально-юридический и сравнительно-правовой методы для выявления общих и специфических черт правового регулирования «виртуального родительства» в различных правовых системах. Особую методологическую ценность представляет компаративистский анализ судебной практики, позволяющий идентифицировать правоприменительные паттерны и юридические коллизии в исследуемой сфере. В работе используется технологический детерминизм как методологическая установка, предполагающая существенное влияние технологий на трансформацию социальных институтов и правовых механизмов. Благодаря такому подходу можно экстраполировать существующие тенденции и формулировать обоснованные прогнозы относительно будущих изменений в сфере реализации семейных прав.

Расторжение брака и реализация права на общение ребенка с родителем, проживающим отдельно

Первое предположение: трансформация, а не прекращение, соответствует современному взгляду на последствия расторжения брака для семейной системы

С теоретической точки зрения расторжение брака долгое время рассматривалось как исключительно негативное событие, которое приводит к дезорганизации членов семьи и разрушает семейную жизнь. Исследуя парадигму кризиса семьи, ученые отмечают, что он приводит к фрустрации привычных способов функционирования семьи и к невозможности справиться с новой ситуацией, используя старые модели поведения (Olifirovich, 2015, p. 25). Гипотеза нестабильности предполагает, что развод является стрессом для родителей и детей, и может негативно повлиять на развитие ребенка. Действительно, лица, находящиеся в процессе развода, часто испытывают эмоциональное напряжение и трудности в поддержании позитивных отношений друг с другом и с детьми. Многочисленные исследования устанавливали взаимосвязь факта развода родителей с ухудшением эмоционального и психологического благополучия детей, проблемами с поведением, более низкими образовательными достижениями, ухудшением родительского ухода, а также сокращением экономических ресурсов и снижением уровня жизни (Ernilova, 2015; Härkönen et al., 2017; Perkins, 2019; Raley & Sweeney, 2020).

Впрочем, необходимо признать: в современном обществе стремление индивидов к достижению баланса между личной автономией и поиском долгосрочных межличностных отношений привело к нормализации развода как сложной взаимосвязи аксиологических ориентиров. Исследования в России подтверждают увеличение социальной приемлемости разводов (Sinelnikov, 2023, p. 75). В современной научной парадигме применительно к полной семье развод — это изменение, а не распад системы семейных отношений. В семье

взрослые выполняют одновременно и супружеские (жены или мужа), и родительские (матери или отца) роли; в ситуации развода происходит модификация набора ролей субъектов семейных отношений: супружеские роли формально исчезают, а родительские сохраняются (Kletsina, 2015, p. 35). Исходя из данной трактовки, можно сделать вывод о том, что развод приводит не к дезорганизации, а к трансформации семейных отношений, в которых членам семьи приходится приспосабливаться к новой ситуации. Исследования показывают, что не сам факт расторжения брака наносит вред развитию несовершеннолетних, а постоянная враждебность между бывшими супругами: «дети разведенных родителей, которые прекратили ссориться, были так же хорошо приспособлены, как и те, кого воспитывали родители в успешных браках» (Hetherington & Stanley-Hagan, 2002, p. 296). Хотя развод родителей создает определенные трудности, дети, получающие стабильную эмоциональную поддержку от родителей, как правило, легче адаптируются к этим изменениям и развивают здоровое чувство уверенности и независимости. В целом, крайне важно, чтобы родители продолжали уделять своим детям все свое внимание после развода, поддерживали хорошее общение и создавали благоприятную среду, чтобы дети могли развиваться, несмотря на трудности, с которыми они сталкиваются (Safira & Rozatul, 2025, p. 92).

В этом ключе гипотеза нестабильности семьи сфокусировалась на сохранении семейных уз между бывшими ее членами. Действительно, одной из серьезных проблем, с которой сталкиваются родители и дети после расторжения брака, является создание условий, позволяющих нормализовать взаимодействие между бывшими супругами для воспитания ребенка и сохранить родственные отношения между детьми и родителем, проживающим отдельно.

Мы не можем предотвратить разводы, которые в современном обществе пусть и не считаются нормой, но и не выходят за рамки обыденной жизни. Однако одна из задач государства и общества — минимизация негативных последствий расторжения брака, и прежде всего для ребенка.

Второе предположение: сохранение родительской вовлеченности в воспитание и общение с ребенком позволяет обеспечить его наилучшие интересы

Принцип обеспечения наилучших интересов ребенка входит в число общих принципов Конвенции ООН о правах ребенка¹, однако «его четкого определения не существует» (Pavlenko, 2021, p. 77). Конвенция в том числе закрепляет право ребенка знать своих родителей и право на их заботу (п. 1 ст. 7); право детей, разлученных с одним или обоими родителями, поддерживать личные отношения и прямые контакты с обоими родителями на регулярной основе, если это не противоречит наилучшим интересам ребенка (п. 3 ст. 9); общую и одинаковую ответственность за воспитание детей обоими родителями (ст. 18)². Презумпция родительского участия признает важность поддержания отношений между детьми и обоими родителями, независимо от их семейного статуса, и основана на понимании того, что если не доказано иное, в наилучших интересах ребенка поддерживать отношения с обоими родителями.

В России расторжение брака супругами, независимо от процентного соотношения гендерного распределения решений суда об определении места жительства ребенка, приводит к тому, что один из родителей приобретает статус родителя, проживающего *отдельно от ребенка*, а другой — статус родителя, *проживающего с ребенком*.

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.; вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.). Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 45.

² Там же.

Отметим, что за последние десятилетия правовая структура родительских ролей существенно изменилась: права отцов стали защищаться, подчеркивается роль отца в общем развитии детей, выдвигается на первый план его взаимодействие с ребенком: все больше детей общаются со своими отцами, и все больше детей поддерживают хорошие отношения со своими отцами (Van Spijker, 2022, p. 446), отмечается увеличение вовлеченности отцов в воспитание детей (Haux & Platt, 2021, p. 152), что число отцов, воспитывающих детей, увеличилось (Cancian et al., 2014, p. 1384), а в России «вектор судебной практики, возможно, постепенно меняется в сторону отцов» (Руанкова, 2025, p. 62).

Во многих странах защита наилучших интересов ребенка как ведущий юридический принцип влияет на решение вопросов обеспечения общения ребенка с отдельно проживающим родителем, даже в случаях если отношения между родителями характеризуются конфликтами (Zartler, 2021, p. 306).

В зарубежных исследованиях продемонстрирована прямая зависимость формирования родственных отношений во взрослом периоде жизни ребенка от степени и количества участия родителя, проживающего отдельно, в воспитании детей: низкий уровень участия разведенных отцов в жизни детей приводит к уменьшению частоты их общения во взрослой жизни (Arditti & Keith, 1993, p. 670), дети, которые в юности были вовлечены в межличностный конфликт между родителями высокого уровня, во взрослом возрасте были менее близки со своими отцами (Sraan et al., 2022, p. 1204), конфликт между родителями отрицательно влияет на родительское сотрудничество (Тоews & McKenгу, 2001, p. 71), что может сказаться на общении родителя, не проживающего в семье с детьми. Маттейс Калмейн утверждает, что одной из причин неравенства родителей после развода являются конфликт лояльности и эффект компенсации (Kalmijn, 2013, p. 896). Исследование, проведенное сотрудниками Университета Миколаса Ромериса, подтверждает, что родитель, проживающий с ребенком после развода, действует вопреки наилучшим интересам ребенка, отрицая его неотъемлемое право на воспитание и общение с обоими родителями (Kairiene et al., 2022). Таким образом, благополучие ребенка во многом зависит от участия родителя, проживающего отдельно, в его воспитании и общении с ним и после расторжения брака.

Наиболее заметным способом обеспечения участия обоих родителей в воспитании ребенка и его общения с ними обоими стало введение в некоторых зарубежных странах института совместной («физической») родительской опеки (*joint physical custody*), которая была известна в странах общего права довольно давно, а с недавних пор устанавливается в качестве дефолтного режима опеки отдельными штатами в США. Данное обстоятельство не могло не способствовать росту интереса правоведов к изучению данного института. Так, можно выделить проведенное комплексное исследование способов правового закрепления в 36 западных странах данной формы опеки в контексте реализации права ребенка на общение (Bjarnason & Amarsson, 2011, pp. 483–488), исследование в 37 юрисдикциях Северной Америки и Европы на предмет соответствия данной формы опеки наилучшим интересам ребенка (Steinbach et al., 2021, pp. 151–154) и сравнительное исследование совместной опеки, которую осуществил в диссертационном исследовании Марк Поли³. Отметим, что термин, означающий совокупность родительских прав и обязанностей, как и его содержание зависит от установленного правопорядка, основанного на исторических и национальных традициях

³ Комплексный анализ способов закрепления форм совместной опеки в Бельгии, Англии и Уэльсе, а также в Италии проведен в докторской диссертации Марко Поли «Влияние наилучших интересов ребенка на совместное воспитание детей и совместную опеку» (Poli, 2023).

стран⁴. В контексте нашей темы интересно такое право родителей, как "*rights of custody*" (дословно «право опеки», что соответствует официальному переводу Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.)⁵. Данная конвенция впервые закрепила понятие и определение прав родительской опеки и прав доступа как составляющих понятия родительских прав и обязанностей. Разработчики Конвенции прямо указали на автономный по отношению к национальным законодательствам характер толкования указанных дефиниций «для целей Конвенции», отметив, что «ключевые концепции, определяющие сферу действия Конвенции, не зависят от их толкования в какой-либо отдельной правовой системе»⁶.

В Англии, провозвестнике современного режима совместной «физической» опеки, принято считать, что концепция «естественной опеки» ("*natural guardianship*"), известная английскому общему праву⁷, восходит к концепции естественного права⁸ юриспруденции Древнего Рима, а в настоящее время используется в правопорядках стран как романо-германской, так и англосаксонской семей права. Родительская опека подразделяется на совместную (с равным объемом прав обоих родителей) и единоличную (только один родитель наделен всей совокупностью правомочий, составляющих содержание родительских прав, а другой, который, как правило, проживает отдельно и обладает ограниченным перечнем родительских правомочий⁹).

Также англосаксонская традиция подразделяет родительскую опеку над ребенком на юридическую (*legal*) и физическую (*physical*) опеку. Юридическая опека дает родителю, осуществляющему опеку, право принимать решения в интересах ребенка по следующим наиболее важным

⁴ Например, применяются такие термины, как: *obsorge* (Австрия), *parental authority* (Франция, Португалия, Чехия), *guardianship* (Великобритания) и т. д. Регламент ЕС, посвященный проблеме определения юрисдикции, а также признанию и приведению в исполнение решений по вопросам семьи и опеки, использует термин "*parental responsibility*", под которым подразумевает все права и обязанности в отношении лица или имущества ребенка, которыми физическое или юридическое лицо наделено судебным решением, указанием законодательного акта или имеющим юридическую силу соглашением., включая права опеки и права доступа См.: Art. 2(2)(7) Council Regulation 2019/1111 of June 25, 2019 on Jurisdiction, the Recognition and Enforcement of Decisions in Matrimonial Matters and the Matters of Parental Responsibility, and on International Child Abduction (recast), O.J. (L 178), 18.

⁵ Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Гаага, 25 октября 1980 г. (вступила в силу для Российской Федерации 1 октября 2011 г., На основании федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» от 31 мая 2011 г. № 102-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 2011, № 23, Ст. 3242.

⁶ Hague Conference on Private International Law, Report of the Second Special Commission Meeting to Review the Operation of the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction at p. 4 (January 18–21, 1993), <https://assets.hcch.net/upload/abdrpt93e.pdf>

⁷ Law Comm'n (Eng.), Family Law: Review of Child Law—Guardianship & Custody, Report No. 172 ¶ 2.2, at p. 5 (July 25, 1998), <https://www.gov.uk/government/publications/family-law-review-of-child-law-guardianship-and-custody-1988>

⁸ «Естественное право есть то, которое природа внушила всем живым существам. Право это свойственно не только человеческому роду, но вообще всем существам, которые рождаются или в воздушном пространстве, или на земле, или в море. Отсюда происходит союз мужчины с женщиной, который мы называем браком; отсюда рождение и воспитание детей; далее мы видим, что и прочие живые существа руководствуются знанием этого права» (Приведено по изданию *Institutsii Iustiniana*, ca. 533 С. Е./1998, I.2). Заметим, что институт родительской опеки в римском праве существовал только в виде законной (*Institutsii Iustiniana*, I.8) и фидуциарной опеки (*Institutsii Iustiniana*, I.19). Во всех иных случаях говорится о родительской власти. «Под нашу власть находятся наши дети, прижитые в законном браке» (*Institutsii Iustiniana*, I.9).

⁹ Не смешивать с российским институтом ограничения родительских прав.

вопросам его жизни: медицинское обслуживание, образование и другие аспекты его жизни (Meyer et al., 2025, p. 27). Совместная юридическая опека позволяет обоим родителям принимать решения совместно, в то время как единоличная юридическая опека предоставляет только одному родителю право принимать все решения.

Зарубежный институт совместной физической опеки родителей предполагает совместное осуществление ухода за ребенком при его проживании в чередующемся режиме (регулярных и попеременно сменяющихся периодов, определяемых часами, днями, неделями или месяцами) у каждого из родителей (Hakovirta, 2023; Murru & Merla, 2025; Merla et al, 2025). Хотя официального определения этого термина нет, критическим фактором для признания физической опеки совместной предлагается считать ситуацию, когда дети после развода проживают не менее 30% своего времени с каждым из родителей (Augustijn, 2022, p. 496). Определение временного отрезка, проводимого с каждым из родителей, различается в разных странах, приблизительно от четверти до половины общего времени с каждым из родителей (Bergman & Daneback, 2022, p. 1448).

Институт совместной физической опеки родителей становится все более распространенным в зарубежных странах (Augustijn et al., 2025, p. 508). Так, влияние правовой реформы в Испании в 2010 г. и установление совместной родительской опеки привели к интенсивному росту ее назначения за последние несколько лет (Flaquer, 2020, p. 382). В 2024 г. парламент Японии внедрил данный институт в национальное законодательство¹⁰.

Обращаем внимание на то, что в национальном российском законодательстве отсутствует термин «совместная физическая родительская опека». Л. Ю. Михеева, рассматривая пересечение понятий «семья» и «опека», отмечает, что их сходство «не дает оснований к отождествлению этих явлений, а юридический характер опеки не позволяет рассматривать ее и как одну из разновидностей семьи» (Mikheeva, 2004, pp. 66–67). Согласно ст. 126 Семейного кодекса Российской Федерации установлено, что опека или попечительство устанавливаются над детьми, оставшимися без попечения родителей (по основаниям, указанным в пункте 1 статьи 121 СК РФ), в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов¹¹. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» регламентирует опеку и попечительство как форму устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов¹². Таким образом, в России под принятием ребенка под опеку понимается принятие чужого (не родного по первой нисходящей кровной линии родства) ребенка в семью.

В Российской Федерации при раздельном проживании родителей либо соглашением родителей, а при его отсутствии судом определяется место жительства ребенка, а не форма родительской опеки.

Косвенно из анализа Конвенции 1980 г. и Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер

¹⁰ あたらし法律事務所. (2024, 25 мая). 共同親権とは | 法改正はいつ? メリットとデメリット [Что такое совместная родительская опека? Когда состоится реформа законодательства? Преимущества и недостатки]. <https://www.atarashi-law.com/column/2422>

¹¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 1996, № 1, Ст. 16.

¹² Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 1996, № 52, Ст. 5880.

по защите детей¹³ можно утверждать, что право на опеку и право на доступ как права родителей все же известны российскому праву и применимы при незаконном перемещении или удержании ребенка одним из родителей в родительских правоотношениях с иностранным элементом. В свою очередь, в России 4 августа 2025 г. группой депутатов Государственной Думы ФС РФ был внесен на рассмотрение проект № 983464-8 федерального закона о внесении изменений в СК РФ, которым предлагается введение института совместного воспитания и проживания в чередующемся режиме¹⁴. В пояснительной записке к законопроекту авторы обращают внимание на наличие у членов современного общества дефицита отцовского воспитания¹⁵.

Несмотря на растущую популяризацию данного института, есть и его противники. Так, А. Маршалл пишет о том, что для детей постоянное перемещение между двумя местами проживания означает, что они живут двойной жизнью ("*in double-looped situation*") и должны быть внимательны к различным распорядкам, ожиданиям, требованиям и стилям воспитания каждого из родителей (Marschall, 2017, p. 343). Кроме того, необходимость решать практические вопросы — такие как наличие необходимой одежды, оборудования, школьных принадлежностей и прочих вещей в нужном домохозяйстве в нужное время, выстраивание устойчивых механизмов координации и коммуникации между этими домохозяйствами может существенно усложнить повседневную жизнь как родителей, так и детей (Zartler, 2021 p. 305). Кроме того, А. Ф. Пьянкова отмечает, что отсутствие детской привязанности к домашней обстановке, которая воздействует на подсознательные аспекты психики, телесные ощущения и эмоции приведет к появлению у детей чувства тревожности, неспособности понять и принять свою идентичность (Pyankova, 2025, p. 65).

Некоторые ученые пришли к заключению о недоказанности выводов эмпирических исследований о положительном влиянии на благополучие родителей и детей института совместной («физической») опеки родителей, поскольку их методология и заложенная в основу концепция опеки неоднородны и не учитывают множество факторов, а законодательство не регламентирует отдельные важнейшие спорные вопросы его реализации (Steinbach, 2019, p. 365, Ortega-Gaspar et al., 2021, p. 113).

В России еще 29 января 2019 г. Верховный Суд РФ указал на недопустимость утверждения графика общения и проживания ребенка в формате «любых четырех дней по выбору каждую неделю с 9 часов до 21 часа с правом посещения места жительства отца, общественных мест в отсутствие матери», поскольку он «ведет к формированию амбивалентного (двойственного) восприятия ребенком реальности, к двойным стандартам, к формированию навыков манипулирования у детей, лишает ребенка чувства "настоящего дома"»¹⁶.

Учитывая рамки настоящего исследования, следует отметить, что вне зависимости от итогов рассмотрения законопроекта институт совместного воспитания хоть и способен обеспечить

¹³ Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г. (вступила в силу для Российской Федерации 1 июня 2013 г., Российская Федерация присоединилась к Конвенции на основании Федерального закона от 5 июня 2012 г. № 62-ФЗ), Собрание законодательства РФ, 2012, № 24, ст. 3079.

¹⁴ Законопроект № 983464-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации (в части определения условий установления и осуществления порядка совместного воспитания детей родителями, расторгающими брак)», <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983464-8>

¹⁵ См. пояснительную записку по ссылке, указанной выше в предшествующей сноске.

¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223.

соблюдение прав всех участников семейных отношений на общение друг с другом, но не является идеальным.

В этом аспекте интересна позиция судов стран, где данный институт внедрен и действует, относительно возможности устанавливать совместную физическую опеку. Так, 30 октября 2014 г. в Испании гражданская палата Верховного суда указала, что «конфликтная ситуация между родителями наносит ущерб интересам ребенка, что препятствует назначению совместной родительской опеки. Предпосылка назначения совместной опеки заключается в том, что между родителями должны существовать отношения взаимного уважения, позволяющие им принимать такие решения, которые приносят пользу ребенку и не нарушают его эмоционального развития, и вести себя соответствующим образом»¹⁷. Результаты исследований немецких ученых показывают, что совместная родительская опека над детьми может быть «хорошим решением для родителей, которым удается избежать родительских конфликтов и достичь мирного соглашения об уходе за детьми после развода» (Helms et al., 2023). Согласно шведским ученым, именно «качество совместного воспитания является ключевым фактором, определяющим психическое здоровье детей дошкольного возраста» (Bergström et al., 2021, p. 5). Родители, выбравшие совместное проживание на момент развода или расставания, отличались от других родителей тем, что они — и особенно матери — как правило, имели высокое образование и сообщали о более низком уровне родительских конфликтов до расставания и о небольшом количестве родительских проблем (Poortman & van Gaalen, 2017, p. 540).

Полагаем, что даже если будет принят законопроект о введении в Российской Федерации института совместного воспитания, аналога зарубежной «совместной физической родительской опеки», он будет неосуществим в тех случаях, когда родители не способны поддерживать между собой взаимное уважение и выстроить семейную систему ценностей, способствующую гармоничному развитию ребенка. То есть при наличии конфликтов между родителями – бывшими супругами такой институт не будет способствовать наилучшим интересам ребенка, а лишь приведет к эскалации конфликта, в центре которого будет ребенок.

Исследования подтверждают важность и качества отношений, и вовлеченности родителя в процесс воспитания ребенка (Palkovitz, 2019, p. 581). Совместное воспитание как институт, направленный на соблюдение прав всех участников родительских правоотношений, должно осуществляться только в соответствии с наилучшими интересами ребенка и невозможно при наличии конфликтных ситуаций между родителями. Обеспечение регулярного и безопасного общения между ребенком и родителем, не проживающим с ним, становится приоритетной задачей для предотвращения негативных последствий для психического и эмоционального развития ребенка.

Третье предположение: «виртуальное родительство» — эффективное дополнительное средство общения ребенка с родителем, проживающим отдельно

Одной из самых больших проблем, с которыми сталкиваются дети во время развода, является потеря связи с одним из родителей. Хотя электронная почта и телефонные разговоры могут использоваться и используются для общения, упомянутые способы связи обладают существенными недостатками. Так, с одной стороны, телефонный разговор можно применять

¹⁷ Tribunal Supremo [TS], Sentencia 619/2014, de 30 de octubre de 2014, ECLI:ES:TS:2014:4342. См. описание этого решения, к примеру, на сайте одной из юридических фирм Мадрида: Muñoz Gómez, M. (2015, April 17). *Supreme Court pronouncement on joint custody*. G. Elías y Muñoz Abogados. <https://www.eliasymunozabogados.com/en/blog/supreme-court-pronouncement-joint-custody>

для мгновенного решения срочных вопросов и переговоров, однако, во-первых, отсутствие визуального контакта, а во-вторых, достаточная дороговизна телефонной связи (по сравнению с интернет-соединением) свидетельствуют о неудовлетворительности подобного способа общения. Электронная почта в качестве основного виртуального средства общения с ребенком в принципе некомфортна: огромное количество электронных писем и папок, возможная неверная интерпретация интонации письма затрудняют использование электронной для общения с ребенком.

Научные исследования в России и в целом в мире подтверждают тот факт, что молодежь почти в каждой стране использует социальные сети для поддержания постоянного контакта с друзьями (Steinsbekk et al., 2024; Dunas, 2020, p. 31, Mikhalev, 2025, p. 22).

Простота использования и распространенность социальных сетей и мессенджеров в повседневной жизни несовершеннолетних привели к тому, что в дополнение к традиционным формам непрямого общения (письма, телефонные звонки, сообщения на электронную почту) виртуальное общение родителей и детей стало включать расширяющийся спектр новых цифровых средств: программное обеспечение для видеоконференций, например *Zoom*, *Skype*; платформы социальных сетей, таких как «ВКонтакте»; мессенджеры *WhatsApp* и *Telegram* как особый вид программного обеспечения для обмена текстами, изображениями, видео, позволяющие осуществлять аудио- и видеосвязь.

Использование новых (сравнительно недорогих) способов поддержания связи родителями с детьми после расторжения брака с помощью цифровых инструментов обозначается в зарубежной доктрине различными терминами: "*virtual parenting*"¹⁸, "*parenting online*" (Saini et al., 2013, p. 124). Для российского правового дискурса предлагается перевод данных терминов, как виртуальное родительство — как наиболее лаконичный, фокусирующий внимание на отношениях родителя и ребенка в их воспитательном и коммуникативном измерении.

Несомненно, технологии позволяют участвовать в воспитании ребенка после расторжения брака в ситуациях, в которых это, казалось бы, невозможно: например, при проживании родителя в другом городе или стране или осуществлении родителем, проживающим отдельно, трудовых функций вахтовым методом, а также при наличии конфликтов между родителями. Так, в решении суда г. Альберты по делу *BRH v. RPS* указано, что благодаря технологиям отдельно проживающему родителю предоставляется возможность общаться с ребенком, который проводит каникулы за границей: «Всякий раз, когда Б. Х. может приехать в Эдмонтон, большую часть времени она должна проводить с А. С. Необходимо организовать широкий доступ к телефону и *Skype*»¹⁹.

Одно из первых исследований в области международных показателей онлайн-активности детей и использования цифровых технологий для поддержки родительских правоотношений после расторжения брака провел Р. Бирнбаум²⁰. Его результаты позволили выделить как поло-

¹⁸ Birnbaum, R. (2019, November 12). "*Virtual Parenting*" after Separation and Divorce. The Vanier Institute of the Family. Vanier Institute of the Family. https://vanierinstitute.sharepoint.com/sites/PublicWebResources/Documents/Public%20Files/AR_2019-11-12_Birnbaum-Virtual-Parenting.pdf?ga=1https://vanierinstitute.ca/resource/virtual-parenting-after-separation-and-divorce/

¹⁹ *BRH v. RPS* (2016), 40 Alta LR 6th 78 (Can. Alta. Q.B.), <https://canlii.ca/t/gs8lt>

²⁰ Birnbaum, R. (2019, November 12). "*Virtual Parenting*" after Separation and Divorce. The Vanier Institute of the Family. Vanier Institute of the Family. https://vanierinstitute.sharepoint.com/sites/PublicWebResources/Documents/Public%20Files/AR_2019-11-12_Birnbaum-Virtual-Parenting.pdf?ga=1https://vanierinstitute.ca/resource/virtual-parenting-after-separation-and-divorce/

жительные, так и отрицательные стороны «виртуального родительства». К отрицательным можно отнести проблемы конфиденциальности разговора (другой родитель подслушивал разговор), несение ответственности за доступ ребенка к цифровым технологиям в указанное время, вторжение в личную жизнь в результате использования технологий (беспрепятственный виртуальный доступ к дому родителя, проживающего с ребенком) и ощущение слезки (как за родителем, проживающим с ребенком, так и за родителем, проживающим отдельно). Наибольшее преимущество, отмеченное каждым из родителей, заключается в том, что ребенок имеет возможность поддерживать общение с родителем, проживающим отдельно, без контакта с бывшим супругом.

Хотя концепция «виртуальное родительство» является относительно новой, в ряде стран уже приняты специальные законы, регламентирующие договорный и судебный порядок установления графика онлайн-общения. Так, среди стран, в которых официально одобрили и рекомендовали включать график онлайн-общения в судебные решения, можно выделить США, Новую Зеландию и Австралию. Первый в США Закон о виртуальном общении был принят в 2004 г. в штате Юта²¹. В Колорадо, напротив, нет специальных законов, регулирующих виртуальное общение²², однако судьи, рассматривающие семейные споры, могут в целях наилучших интересов ребенка включить его в официальный график общения «План родительского воспитания»²³. Другим примером является Закон о заботе о детях Новой Зеландии 2004 г.²⁴, в соответствии с которым предусматривается в рамках «виртуального родительства» общение при помощи телефонных звонков или электронной почты, однако новые цифровые виды коммуникации не указаны. В свою очередь, проведенное М. Голлоп исследование позволило установить, что 70 опубликованных и доступных решений судов Новой Зеландии (53) и Верховного суда Австралии (17) за семилетний период (2017–2023 гг.) содержат разрешение на виртуальное общение: телефонная и видеосвязь указаны в 95% решений, общение через приложения и социальные сети — в 79%, в онлайн-играх — в 28% и т. д.²⁵

Анализ нормативно-правовых актов и судебной практики позволяет выделить общие черты режима «виртуального родительства». Во-первых, в решении судов обычно описывают частоту, продолжительность и предпочтительные методы виртуального общения. Во-вторых, регламентируется соблюдение принципа сбалансированности физического и виртуального общения. Личное (физическое) общение признается приоритетным, а виртуальное должно дополнять, а не заменять, личный физический контакт. На суды возлагается обязанность следить за тем, чтобы виртуальное родительство не ставило одного из родителей в невыгодное положение и не сокращало его физическое время с ребенком, если только это не отвечает наилучшим интересам последнего. В-третьих, определяется возложение бремени предоставления соответствующих технологий и доступа к ним. Суд может рассмотреть способность каждого родителя предоставить необходимые технологии для «виртуального родительства».

²¹ H.B. 82, 55th Leg., Gen. Sess. (Utah 2004), codified at Utah Code Ann. §§ 30-3-33, 30-3-35.

²² Colo. Rev. Stat. § 14-10-124 (2014).

²³ См. мнение практикующих в Колорадо американских юристов: Robinson & Henry. (2024, March 13). What is virtual visitation in Colorado? <https://www.robinsonandhenry.com/blog/family-law/virtual-visitation/7>. Форма бланка «Плана воспитания», который заполняют в штате Колорадо родители и все заинтересованные в воспитании ребенка стороны, доступна для ознакомления по адресу <https://www.coloradojudicial.gov/sites/default/files/2023-07/JDF1113.pdf>

²⁴ Care of Children Act 2004, 2004 No 90 (N.Z.).

²⁵ Gollop, M. (2024). *Post-separation parent-child virtual contact: Opportunities and challenges*. University of Otago. <https://www.borrinfoundation.nz/wp-content/uploads/2024/09/Post-separation-Virtual-Contact-Research-Summary.pdf>

Бремя обеспечения ребенку доступа к цифровым технологиям возлагается на родителя, проживающего с ним: устройство должно иметь необходимый уровень зарядки и быть подключено к интернету; необходимо отслеживать, чтобы у ребенка было свободное время в его расписании, предпринимать другие действия, чтобы родитель в назначенное время мог виртуально общаться с ним. И наконец, в-четвертых, устанавливается запрет на изменение плана воспитания без разрешения суда.

Важно отметить, что фиксирование в судебном решении графика онлайн-встреч не означает, что необходимо разрешение суда, чтобы позвонить ребенку по телефону, но для того, чтобы виртуальное родительское время имело юридическую силу, оно должно быть одобрено судом.

Четвертое предположение: российское законодательство позволяет обеспечить равенство прав разведенных родителей на воспитание ребенка

Обратимся к нормативно-правовой базе, регламентирующей права мужчины и женщины в статусе родителей.

1. Конституция РФ закрепляет равенство прав мужчины и женщины, в том числе и при воспитании ребенка (ст. 19 и ч. 2 ст. 38)²⁶.
2. Согласно п. 1 ст. 61 СК РФ родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей.
3. В ст. 63 СК РФ закреплено преимущественное право родителей на воспитание своего ребенка.
4. В соответствии со ст. 55 СК РФ расторжение брака не влияет на право ребенка общаться с родителем и иными родственниками.
5. Государство в ст. 66 СК РФ предоставляет родителю, проживающему отдельно от ребенка, права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования, медицинской помощи и т. д.

Анализ ст. 66 СК РФ позволяет выделить следующие правовые гарантии реализации права такого родителя на общение:

- 1) судебный порядок утверждения графика общения ребенка и родителя, проживающего отдельно;
- 2) правонарушение препятствование общению ребенка и родителя квалифицируется как правонарушение, за которое статьей 5.35 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, варьирующаяся от штрафа до изменения места жительства ребенка (при злостном неисполнении решения суда)²⁷.

Исполнение требования исполнительного документа о порядке общения с ребенком включает в себя обеспечение судебным приставом-исполнителем беспрепятственного общения взыскателя с ребенком в соответствии с порядком, установленным судом²⁸. Факт нарушения порядка фиксируется в административном протоколе, в который вносятся объяснения сторон, показания свидетелей и оценка сложившейся ситуации должностным лицом. При этом исполнительное производство считается оконченным, как только судебный пристав-исполнитель

²⁶ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 01.07.2025).

²⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001, № 195-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 2002, № 1 (ч. 1), Ст. 1.

²⁸ Ст. 109.3 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 2007, № 41, ст. 4851.

установит факт препятствия должника общению взыскателя с ребенком (Filipova & Titarenko, 2022, p. 32).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения закона защита прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, и права ребенка на общение с родителями и иными родственниками полностью гарантированы.

Обратимся к правоприменительной практике.

1. Конституционный Суд РФ подтвердил конституционность положений действующего семейного законодательства, регулирующих порядок общения с ребенком²⁹. Существующая нормативная база признана полностью соответствующей конституционным принципам и обеспечивающей необходимый баланс интересов всех участников семейных правоотношений.

2. Анализ решений судов Российской Федерации показывает, что при определении графика общения с ребенком в большинстве случаев суд указывает:

- первую и третью субботу месяца, второе и четвертое воскресенье месяца, дополнительно может быть установлено время, например, с 16:00 до 20:00;
- проведение отпуска в количестве *n* календарных дней. Даты проведения отпуска согласовываются между родителями заблаговременно, за два месяца до выезда³⁰.

В судебном решении в обязательном порядке уточняется присутствие или отсутствие второго родителя при общении и место проведения встречи. Например, «без присутствия матери в общественных местах либо по месту жительства отца с учетом режима дня, погодных условий и состояния здоровья ребенка»³¹.

В Обзоре практики Верховного Суда РФ № 1 за 2024 г. подчеркнуто, что решение суда должно быть соотнесено с «закрепленным семейным законодательством принципом равенства родительских прав и обязанностей отдельно проживающих родителей (пункт 1 статьи 61 СК РФ)»³². Ввиду отсутствия опыта использования цифровых технологий в данной сфере такая практика пока фактически отсутствует, однако ранее Верховный Суд РФ указал, что расторжение брака «не исключает возможности другого родителя полноценно общаться с ребенком, а также принимать участие в его воспитании без каких-либо ограничений»³³. Общение при помощи цифровых технологий осуществляется и в случаях, когда родители не разведены, причем как в обыденной жизни (общение по телефону), так и при длительном или кратковременном отсутствии, например при длительной командировке одного из них, выполнении трудовой функции в сменном графике или вахтовым методом работы, обучении при прохождении срочной службы и т. д. Такое цифровое общение в принципе предполагается и не осуждается обществом как дополнительный вид взаимодействия родителей и ребенка. В настоящее время законодательство РФ не содержит запрета на онлайн-общение родителя и ребенка, соответственно, с учетом аналогии права, приемлемости такого формата общения для современных детей и направленности правоприменительной практики на соблюдение наилучших интересов ребенка и максимальное сохранение семейно-родственных

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Г. на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетнего сына статьей 57 Семейного кодекса Российской Федерации» от 30 мая 2024 г. № 1267-О.

³⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 октября 2022 г. № 4-КГ22-40-К1.

³¹ Решение Заводского районного суда г. Саратова от 10 марта 2021 г. по делу № 2-779/2021.

³² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г.), Бюллетень Верховного Суда РФ, 2024, № 7 (ред. от 27.11.2024 г.).

³³ Там же.

отношений полагаем возможным устанавливать график онлайн-общения в решениях суда по спорам об определении места жительства ребенка.

3. Российское законодательство устанавливает ответственность за нарушение порядка общения в виде штрафа и административного ареста (ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ). При злостном невыполнении судебного решения суд вправе вынести решение о передаче родителю, проживающему отдельно, ребенка, исходя из интересов ребенка и с учетом его мнения. В настоящее время достаточно сложно сделать вывод о статистических показателях по количеству рассмотренных дел в порядке привлечения по ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ. На интернет-странице Судебного департамента при Верховном Суде РФ³⁴ и сайте «Судебная статистика РФ»³⁵ есть данные по ст. 5.35.1 КоАП РФ, не релевантные для нашего исследования, а также по «*иным правонарушениям, посягающим на права граждан (иные статьи главы 5 КоАП РФ)*», среди которых и «скрывается» информация об интересующих нас составах административных правонарушений³⁶. Согласно указанной статистике, на 2024 г. было рассмотрено 3183 дела, однако не представляется возможным определить, сколько из них затрагивало именно ч. 2 или 3 ст. 5.35 КоАП РФ. Имеются данные о том, что на 2024 г. Поступило заявлений об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК РФ) — 16570, об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников (п. 3 ст. 67 СК РФ) — 3210, а о возврате родителям ребенка, удерживаемого не на основании закона или судебного решения (п. 1 ст. 68 СК РФ) — 42 заявления³⁷. Однако поскольку участники процесса (родители или иные родственники) неизвестны, однозначного вывода об эффективности предусмотренных мер ответственности, исходя из данных статистики, сделать нельзя.

В практике встречаются примеры, когда родители могут злоупотреблять родительскими правами, препятствуя общению второго родителя с ребенком. Например, Челябинский областной суд отменил решение Озерского городского суда Челябинской области от 16 января 2023 г., вынесенное по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 ст. 5.35 КоАП РФ, в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности³⁸. Анализ текста судебного решения показывает, что ответчица документов об уважительности причин непредоставления детей для общения с отцом не представила, а на судебном заседании суда первой инстанции сама признала, что не предоставляет отцу детей для общения из-за сложившихся между бывшими супругами неприязненных отношений. Иначе говоря, правонарушение имело место, а привлечение к ответственности стало невозможным, поскольку суд первой инстанции неверно трактовал нормы права и, пока шли процессы, истек срок давности. Согласимся с мнением ученых о том, что штрафные санкции не в полной мере достигают цели воспитательного воздействия. Родитель, проживающий отдельно, нередко встречает препятствия при привлечении родителя-нарушителя к ответственности. Так, дело

³⁴ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. (б.д.). *Данные судебной статистики*. Верховный Суд РФ. По обращению 01.07.2025 к <https://cdep.ru/?id=79>

³⁵ Агентство правовой информации. (б.д.). *Судебная статистика РФ*. По обращению 01.07.2025 к <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/>

³⁶ Агентство правовой информации. (б.д.). *Судебная статистика РФ. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям*. По обращению 15.10.2025 к <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1>

³⁷ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. (2024). *Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции*. https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F3-svod-vse_sudy-2024.xls

³⁸ Решение Челябинского областного суда. г. Челябинск от 20 февраля 2023 г. по делу № 7-142/2023.

об оспаривании бездействия сотрудников ОМВД, выразившееся в нерассмотрении заявлений отца о привлечении матери к административной ответственности за неисполнение решения суда об установлении порядка общения с сыном, дошло до Верховного Суда РФ. И только на этом этапе определение судьи Измайловского районного суда г. Москвы от 11 июня 2021 г., апелляционное определение судьи судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 10 сентября 2021 г. и кассационное определение судьи судебной коллегии по административным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2021 г. были отменены и дело было направлено в Измайловский районный суд г. Москвы на рассмотрение со стадии принятия к производству суда административного искового заявления³⁹.

Итак, нормы российского права закрепляют равные права родителей на воспитание ребенка, право ребенка и родителя, проживающего отдельно, на общение, санкции за создание препятствий общению родителя и ребенка. Основная проблема заключается в реализации прав на общение ребенка и родителя, проживающего отдельно, в реальной жизни. Штрафные санкции практически не применяются либо их применение затруднительно и растянуто во времени (фиксация препятствий, возбуждение производства по делу и т. д.). Несмотря на то что создание препятствий детско-родительскому общению, на наш взгляд, должно отрицательно оцениваться судом с точки зрения соответствия ответственному и компетентному родительству, мы не нашли ни одного судебного решения, которое бы изменило место жительства ребенка на основании ч. 3 ст. 5.35 КоАП РФ. Отметим, что в настоящее время в ряде стран используется термин «толерантность привязанности», который означает, что разведенные родители способны уважать связь и отношения ребенка со вторым родителем (Temizyürek, 2018, p. 303)⁴⁰. Исследователи из Германии подчеркивают необходимость того, чтобы оба родителя обладали компетенцией «заботы о привязанности»⁴¹, т. е. ценили сложившиеся отношения ребенка с другим родителем и активно содействовали их поддержанию. К сожалению, мы не можем утверждать, что судебная система нашей страны отдает предпочтение тому родителю, который способен максимально помочь несовершеннолетнему адаптироваться в условиях распада семьи и сохранить родственные отношения с другим родителем. В реальности де-факто существующая система непривлечения к ответственности приводит к тому, что ребенок может превратиться в оружие противостояния между бывшими супругами.

Анализ российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что, исходя из буквы закона, отсутствуют нормы, препятствующие включению в решение суда графика общения ребенка с родителем по телефонной или интернет-связи как дополнительного средства общения с ребенком. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на то, что определение места жительства ребенка с одним из родителей не исключает возможности другого родителя полноценно с ним общаться. Несомненно, ребенок и родитель, проживающий отдельно, могут общаться с использованием цифровых технологий и без решения суда, однако в ситуации конфликта между родителями, психологическое давление родителя, с которым проживает ребенок (обида родителя, скандалы, обвинения, настраивание против другого родителя и т. д.), общение будет, скорее всего, осуществляться тайно и формировать чувство вины у ребенка вне зависимости от того, чью сторону он выберет.

³⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 июля 2022 г. № 5-КАД22-36-К2.

⁴⁰ Сам термин возник благодаря психологу Уве Тевесу в 1992 году.

⁴¹ Lux, U., & Zimmermann J. (2024, January 31). Familienbeziehungen und Loyalitätskonflikte [Семейные отношения и конфликты лояльности]. Universität Ulm. <https://www.stark-familie.info/de/etern/erziehen/trennungskinder/bindungsfuersorge/>

Пятое предположение: цифровые технологии возможно использовать как средство реализации права на общение

В настоящее время такие услуги, представленные на рынке, можно разделить на две группы.

К первой группе можно причислить организации, которые используют общераспространенные цифровые инструменты и предоставляют услуги скорее организационного и (или) сопроводительного характера. В качестве примера приведем компанию *Brayden Supervision Services*, оказывающую услуги по организации контролируемого виртуального родительского общения через систему *Zoom* на территории Онтарио и Новой Шотландии (<https://www.braydensupervision.com>). Компания берет на себя обязательство запрашивать визуальный осмотр обоих физических пространств как в начале проведения виртуальной встречи, так и в любой момент виртуального общения. Проживающий с ребенком родитель несет ответственность за подготовку комнаты. Если ребенок старше пяти лет, то его оставляют одного, если младше, то в комнате находится инспектор — служащий компании. Компания заверяет родителей, что все сотрудники прошли проверку в полиции и имеют высшее или специальное среднее профессиональное образование по психологии, работе с детьми и молодежью или в смежной области.

Вторая группа характеризуется использованием специального программного обеспечения для общения родителей и ребенка. Веб-ориентированное программное обеспечение — это программное обеспечение, предназначенное для объединения людей путем упрощения и автоматизации общения, обмена информацией и идеями, планирования расписаний и т. д. На международном рынке уже существуют успешные решения, помогающие разведенным родителям координировать графики общения и фиксировать договоренности. Среди популярных продуктов можно выделить *Our Family Wizard*, *TalkingParents*, *2houses*, *Alimentor*, *Custody X Change* и др. Среди общих характеристик данных онлайн-платформ можно выделить:

- функциональность — большинство приложений включают функции для планирования встреч, обмена сообщениями, мониторинга выплаты алиментов и дополнительных расходов на несовершеннолетних и фиксации нарушений;
- ориентацию на удобство — дружелюбный пользовательский интерфейс (компании, предлагающие приложения на рынке, предлагают и обучение, и даже услуги присутствия специалиста на онлайн-встречах);
- условную юридическую значимость в качестве доказательств при рассмотрении споров.

По приблизительным оценкам аналитических агентств, мировой рынок приложений для родителей в последние годы стремительно растет. Ожидается, что он увеличится с 1,53 млрд долл. США в 2024 г. до 1,72 млрд долл. США в 2025 г. при среднегодовом темпе роста (*compound annual growth rate*) 12,3%⁴². В мае 2023 г. *AppClose*, ведущая платформа для совместного воспитания детей, преодолела отметку в 500 000 загрузок в *Google Play*⁴³. Компании стараются приобрести конкурентное преимущество, предлагая дополнительные возможности. Так, например, *TalkingParents* позиционируется как приложение без возможности удаления сообщений и записей и с совместным сохранением документов (<https://talkingparents.com>), а *Alimentor* не только имеет календарь встреч, но и позволяет создавать подробные отчеты о времени, которое каждый родитель проводит с детьми, фиксируя случаи нарушения графика, а также оповещает о том, что запланированное время общения с детьми совпадает с праздниками

⁴² См. отчеты компании, осуществляющей бизнес-исследования. Business Research Company. (2025). *Parenting apps global market report*. <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/parenting-apps-global-market-report>

⁴³ См. о рынке приложений для родителей в докладе: Patel, D. (2025). *Parenting apps market*. Data Intelo. <https://dataintel.com/report/global-parenting-apps-market>

или другими событиями в календаре родителя (<https://alimenter.org>). Интересна в контексте настоящей работы платформа *Custody X Change* — австралийское онлайн-приложение, которое позволяет разведенным родителям составить план-график общения с ребенком для суда (<https://www.custodyxchange.com>).

Если рассматривать государственное внедрение таких онлайн-платформ, то в качестве примера можно привести приложение *Anthea* для смартфонов и планшетов, включающее в себя виртуальную коммуникационную платформу, с помощью которой разведенные родители могут обмениваться информацией, документами и общаться с детьми. В Италии суд г. Модены, рассматривая вопрос о соблюдении разведенными родителями подписанного ими пакта о родительской лояльности в целях содействия решению проблем, которые могут касаться воспитания их детей и общения с ними, обязал использовать исключительно приложение *Anthea*. Суд подчеркнул, что родители должны осознавать, что все сообщения, которыми они обмениваются на цифровой платформе, могут быть предметом судебного рассмотрения и представляют собой неоспоримое доказательство⁴⁴.

Проведенное в Австралии и Новой Зеландии исследование, основанное на онлайн-опросе юристов, специализирующихся на семейном праве, показало, что три четверти из них рекомендуют приложения своим клиентам, однако и юристам по семейному праву, и разведенным родителям необходимо всестороннее и более тонкое понимание преимуществ и рисков таких приложений (Payne et al., 2022. p. 13).

Приложение «Территория общения и доверия» как цифровая технология, позволяющая обеспечить право на общение в России

На наш взгляд, для наиболее эффективной реализации прав родителей, отдельно проживающих от ребенка, и соблюдения наилучших интересов ребенка, который оказывается в фокусе сложных отношений разводящихся или разведенных родителей, необходимо разработать и внедрить государственное приложение с рабочим названием «Территория общения и доверия».

⁴⁴ Tribunale di Modena [Суд Модены], 28 декабря 2017, п. 2259 (It.), <https://news.avvocatoandreami.it/allegati/sentenze/Tribunale-Modena-sentenza-2259-2017.pdf> (дата обращения: 01.07.25). См. также реакцию юридического бизнеса на данное приложение: Studio Legale Forani. (б.д.). *App per genitori separati: La tecnologia salva conflitti* [Приложения для раздельно проживающих родителей: технологии помогают предотвращать конфликты]. По обращению 01.07.25 к <https://studiolegaleforani.it/separazione-e-divorzio/app-per-genitori-separati-basta-conflitti-grazie-alla-tecnologia/>; Zaccarini, S. (б. д.). *La tecnologia al servizio della famiglia: Arriva l'app per genitori separati o divorziati che li aiuta a gestire i figli* [Технологии на службе семьи: появляется приложение для раздельно проживающих или разведенных родителей, которое помогает им управлять вопросами, связанными с детьми]. Busetto Studio Legale. По обращению 01.07.2025 к <https://www.studiolegalebusetto.it/arriva-lapp-genitori-separati-divorziati-aiuta-gestire-figli/>; Ordine degli Avvocati di Sondrio. (2018). *Trib. Modena 28 dicembre 2017 n. 2259. Accordi di divorzio: sì all'app. per gestire insieme i figli* [Суд г. Модены, 28 декабря 2017 г., № 2259. Соглашения о разводе: да — приложению для совместного управления вопросами, связанными с детьми]. [https://www.studilegali.com/articoli/una-app-per-gestire-la-conflittualita-genitoriale-dopo-il-divorzio/](https://www.ordineavvocatisondrio.it/formazione-continua/famiglia-succeSSIONI-mediazione/2018/marzo/famiglia-app-per-la-gestione-figli.pdf#:~:text=che%20E2%80%9Cil%20mancato%20uso%20dell'applicazione%20non%20potr%C3%A0,di%20insorta%20conflittualit%C3%A0%20tra%20i%20genitori%20successivamente%20E2%80%9D; Diritto di famiglia. (2018, 25 февраля). <i>Una app per gestire la conflittualità genitoriale dopo il divorzio</i> [Приложение для управления родительскими конфликтами после развода]. StudiLegali. <a href=); Micolucci, F. (2018, 19 января). *Divorzio: Al via il progetto Anthea per gestire i figli* [Развод: стартует проект Anthea для управления вопросами, связанными с детьми]. Salvis Juribus. <https://www.salvisjuribus.it/divorzio-al-via-il-progetto-anthea-per-gestire-i-figli/>

Данное приложение должно, по нашему мнению, быть государственным по ряду причин.

1. Разработчики коммерческих мобильных приложений поощряют пользователей вводить персональные данные и регулярно делятся собранными данными с третьими лицами для улучшения пользовательского опыта или коммерциализации приложения. Мировое сообщество и Россия, понимая и признавая особую уязвимость детей, принимают нормативные акты, направленные на защиту конфиденциальности информации, связанной с ними⁴⁵. Тем не менее ряд исследований свидетельствует о том, что большинство приложений, содержащих данные несовершеннолетних, являются одними из худших с точки зрения количества сторонних трекеров (Campbell, 2020), политика конфиденциальности в таких приложениях не всегда присутствует, а если и присутствует, то значительно различается по удобочитаемости (Das et al., 2018). Среди распространенных проблем — частый обмен данными или недостаточные меры безопасности, включая запросы разрешений и передачу данных третьим лицам.
2. Манипулятивная и прямая реклама в приложениях широко распространена. Даже если отвлечься от того, что содержание рекламы должно соответствовать определенной зрелости несовершеннолетних и может быть потенциально опасным для здоровья ребенка, наличие рекламы в работе таких приложений для общения выглядит неэтичным. Особенно если постразводная ситуация конфликтная и эмоционально нестабильная.
3. Ряд функций в коммерческих приложениях для «виртуального родительства», которые распространены на рынке, возможно активировать только платно⁴⁶. Поскольку право ребенка и родителей на общение особое, наполнено эмоциональным содержанием и является необходимой основой для сохранения кровнородственных отношений и ощущения семьи, то полагаем, что его обеспечение не должно ставиться в прямую зависимость от наличия или отсутствия у родителей денежных средств.

⁴⁵ См., к примеру, Общий регламент по защите данных (*General Data Protection Regulation, GDPR*): Regulation 2016/679, of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), 2016 O.J. (L 119) 1. См. также Закон США о защите конфиденциальности детей в Интернете вместе с подзаконным актом, принятым ФТК США во исполнение закона (*Children's Online Privacy Protection Rule, COPPA*): Children's Online Privacy Protection Act of 1998, 15 U.S.C. §§ 6501–6505 (2018); 16 C.F.R. pt. 312 (2024), <https://www.ftc.gov/enforcement/rules/rulemaking-regulatory-reform-proceedings/childrens-online-privacy-protection-rule>

⁴⁶ Анализ приложений показывает, что бесплатные функции, в основном сводятся к следующим опциям: доступ к веб-сайту с поддержкой рекламы, создание родительских аккаунтов (нередко ведение личного дневника), звонки внутри приложения (в частности, звонки в определенное судом время), защищенный обмен сообщениями, общий календарь. По платным подпискам в зависимости от тарифов можно выделить следующие функции: определенное или неограниченное количество записанных телефонных и видеозвонков, ограниченное или неограниченное количество PDF-записей, размер хранилища файлов, информационный банк данных о ребенке (хранение официальных документов ребенка, его медицинские данные, данные об образовательных учреждениях, дополнительных учреждениях и т. д.), уведомления о времени и дате общения или совместных мероприятий, формирования отчетов для суда, оплата расходов на ребенка, включая перевод алиментов. Отметим, что, например, в приложении *OurFamilyWizard* все функции платные, тариф зависит от выбираемых функций, наиболее интересные: формирование отчета с указанием даты и времени отправки, получения и первого прочтения сообщения (текст сообщений нельзя изменить или удалить), фиксирование запросов на изменение и перераспределение времени с ребенком, фиксирование нахождения родителя на месте встреч (до 500 футов точность), надежное хранение всех записей и стенограмм в течение 365 дней, запись звонков. Приложение *Custody X Change* (полностью платное), среди интересных функций содержит 140 типовых планов совместного воспитания ребенка, которые можно редактировать; калькулятор времени, проведенного с ребенком, за любой период, прошлый или будущий.

4. Одним из ключевых преимуществ приложения для воспитания детей после расторжения брака является возможность загрузки отчетов о переписке или событиях в качестве доказательств для суда⁴⁷. Некоторым родителям эта функция может понадобиться, например, когда наблюдается продолжающийся межродительский конфликт, для представления доказательств фактов, угрожающих общению, или нарушения судебных постановлений.

Данное предложение должно быть ориентировано на использование современных технологий, интеграцию с государственными структурами и реализацию инновационных функций, таких как применение искусственного интеллекта (ИИ) для фиксации спорных ситуаций, возникающих в процессе общения разведенных родителей между собой по вопросам воспитания детей.

Приложение должно включать следующий **функционал**:

- 1) календарь совместного планирования:
  - родители могут составлять и согласовывать графики встреч, школьных мероприятий, медицинских приемов и других событий;
  - возможность настройки уведомлений о предстоящих событиях;
  - функция фиксации изменений с обязательным уведомлением обеих сторон;
- 2) обмен сообщениями:
  - отдельные встроенные текстовые мессенджеры: один для общения между родителями, второй — для ребенка и родителя, проживающего отдельно. Все сообщения автоматически архивируются, не подлежат удалению или изменению;
  - встроенный мессенджер (с функциями отправки видео- и аудиосообщений) для общения ребенка и родителя, проживающего отдельно;
- 3) базу документов, в которую родители смогут загружать важные документы и обмениваться ими (медицинские записи, школьные отчеты, судебные решения, чеки и справки о дополнительных расходах на ребенка и т. д.). Необходимо предусмотреть защищенный доступ к файлам, чтобы избежать их потери или несанкционированного удаления;
- 4) доступ для третьих лиц:
  - право доступа к личному кабинету должно быть предоставлено судебному приставу-исполнителю;
  - возможность предоставления доступа к аккаунту иным сотрудникам государственных учреждений, например органов опеки и попечительства, для мониторинга взаимодействия;
- 5) функционал гарантий:
  - система тонального и филологического анализа искусственным интеллектом сообщений и передача отчета о потенциально агрессивных формулировках судебному приставу исполнителю; использование технологий обработки естественного языка (*Natural Language Processing, NLP*) для анализа сообщений; интеграция с модулями машинного обучения для обучения модели на анонимизированных примерах общения; постоянное обновление алгоритмов на основе обратной связи от пользователей;
  - генерация отчетов о взаимодействиях и нарушениях, которые могут быть предоставлены адвокатам или судьям;

⁴⁷ Такие инструменты есть, в частности, в *OurFamilyWizard* (платная функция по заказу неограниченного количества нотариально заверенных документов в печатном виде и с их доставкой по почте пользователю или его юристу) (См.: *OurFamilyWizard. (n.d.). Plans & pricing. <https://www.ourfamilywizard.com/plans-and-pricing>*) и в *AppClose* (платные функции по ведению коммуникации и документации, и их заверению (см.: <https://appclose.com>)).

- отчеты о взаимодействиях и нарушениях, представленные приложением «Территория общения и доверия» и подтвержденные судебным приставом-исполнителем, получают юридическую силу доказательств при рассмотрении дел по ст. 5.35 КоАП РФ.

Процедура использования приложения «Территория общения и доверия» может иметь следующий вид.

1. В рамках рассмотрения споров об определении места жительства ребенка либо порядка общения с ним судья в решение включает график не только очных, но и виртуальных встреч. В решении суда должно быть установлено обязательное время, в течение которого ребенок и родитель, проживающий отдельно, могут гарантированно общаться посредством приложения. Родительские правоотношения трехсубъектные, и ребенок — полноправный субъект, однако, исходя из анализа ст. 57 СК РФ, его мнение должно быть заслушано, но оно не является обязательным при разрешении данного спора. Более того, как мы указывали ранее, Конституционный Суд РФ не счел неконституционными нормы, позволяющие не учитывать демонстративное нежелание ребенка контактировать с одним из родителей при рассмотрении судами споров о порядке общения с ребенком⁴⁸. Существующая нормативная база признана полностью соответствующей конституционным принципам и обеспечивающей необходимый баланс интересов всех участников семейных правоотношений.

В ситуациях, когда несовершеннолетний полностью отказывается от виртуального общения с родителем, проживающим отдельно, суду, на наш взгляд, необходимо выяснить причины и мотивы такого решения. При этом согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10⁴⁹ и п. 1 ст. 65 СК РФ суд только в исключительных случаях вправе отказать этому родителю в удовлетворении иска об определении порядка его участия в воспитании ребенка. Особенно если второй родитель изменил или планирует изменить место жительства, у него вахтовый метод работы и т. д. При этом важно учитывать позицию Верховного Суда РФ, который обращает внимание на то, что непосредственное исполнение решений о порядке общения с ребенком не может превращаться в средство давления на ребенка и родителя, если это угрожает психике самого несовершеннолетнего⁵⁰.

Финансовая обязанность обеспечить несовершеннолетнего соответствующими средствами связи (ноутбук, телефон, компьютер, веб-камера в зависимости от возраста и (или) финансовых возможностей) возлагается на обоих родителей в равных долях. В случае если ребенок младше семи лет, то родитель, с которым определено его место жительства, может по своему желанию предоставлять свои средства коммуникации.

2. Информация о новых участниках передается в службу судебных приставов, которые подключают несовершеннолетних детей (старше трех лет) и родителей к приложению «Территория общения и доверия».

При добросовестном и ответственном родительстве, когда оба родителя осознают, что расторжение брака прекращает супружеские правоотношения, но никак не родительские и принимают значимость и необходимость общения с обоими родителями, виртуальное общение

⁴⁸ Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Г. на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетнего сына статьей 57 Семейного кодекса Российской Федерации» от 30 мая 2024 г. № 1267-О.

⁴⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» от 27 мая 1998 г. № 10, Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998, № 7.

⁵⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 г.), Бюллетень Верховного Суда РФ, 2019, № 8.

в приложении осуществляется на базе подсистемы ИИ на основе мультимодальных моделей, которые не будут сохранять анализируемые данные. Основная задача приложения при добропорядочном и ответственном поведении родителей — обеспечение безопасного и конфиденциального виртуального общения. Обработка и хранение информации с использованием ИИ осуществляется в *экстраординарном порядке и только по решению суда*.

Так, в случае подачи жалобы от одного из родителей на нарушения решения суда: несоблюдение графика встреч, агрессивное поведение одного из родителей, которые влияют на психическое состояние ребенка, возбуждается исполнительное производство и активируется следующей **алгоритм работы в приложении**:

1. Судебный пристав-исполнитель обращается в суд с ходатайством об установлении надзора (мониторинга) над виртуальным общением в приложении «Территория общения и доверия».
2. Родители и ребенок в обязательном порядке предупреждаются, что их общение находится под мониторингом судебного пристава-исполнителя.
3. Искусственный интеллект автоматически фиксирует нарушения договоренностей (например, несоблюдение расписания встреч) и только по дополнительному запросу от судебного пристава-исполнителя анализирует переписку между родителями, определяя эмоциональную тональность, выявляя потенциально конфликтные или агрессивные формулировки. Несомненно, существуют резонные опасения о правомерности передачи ИИ составления заключения относительно наличия или отсутствия факта неисполнения судебного решения. Думается, что и на современном этапе, и в даже в далеком будущем нельзя будет предоставлять ИИ возможность принимать решение относительно столь тонких и деликатных отношений, которые существуют между ребенком и его родителями, без учета индивидуальных особенностей каждого ребенка и родителя, истории и специфики их взаимоотношений, не говоря уже об отношениях проживающих отдельно родителей (да и вообще человеческих отношениях в целом). Именно поэтому ИИ должен предоставлять отчет судебному приставу, который и определяет необходимость точечной и (или) полной проверки, после проведения которой он формирует заключение. Судебный пристав-исполнитель вправе отслеживать выход в сеть, запрашивать информацию по отсутствию ребенка или родителя в сети в назначенное время. Показания судебного пристава-исполнителя также являются доказательством недобросовестности одного из родителей.

4. По итогам проверки с учетом заключения судебного пристава-исполнителя ИИ формирует отчет для суда и родителей. Формат отчета, в котором он будет представляться, должен содержать дату, время, суть нарушения, подтверждающие материалы (скриншоты сообщений, записи изменений в расписании). Судебный пристав-исполнитель проверяет отчет и в зависимости от собственного усмотрения утверждает или редактирует.

Отметим, что, во-первых, в зарубежных странах уже более двух десятилетий используется режим контролируемых посещений, или, иначе сказать, общение под надзором, которые предлагают структурированный контакт между родителем и ребенком в присутствии третьего лица, ответственного за наблюдение и безопасность участников⁵¹. Использование нейтральной третьей стороны для контроля такого общения необходимо при наличии в материалах дела

⁵¹ Ср. соответствующие положения Флоридского статута о надзоре за посещениями (Fla. Stat. § 753.01 (2025), http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&Search_String=&URL=0700-0799/0753/Sections/0753.01.html), положения восьмой книги Социального кодекса Германии (Sozialgesetzbuch [SGB] Achtes Buch [VIII] § 18(3) (Ger.)) и Французского гражданского кодекса (Code civil art. 373-2-9 (Fr.)).

фактов жестокого обращения с детьми, фактов, свидетельствующих о повышенном конфликте между родителями, о злоупотреблении родителями психоактивными веществами, о проблемах с психическим здоровьем (Oehme et al., 2021, p. 131). Во-вторых, как показывает опыт отдельных юрисдикций, распространение требований режима «контролируемых посещений» возможно и на виртуальное общение⁵². Как минимум такой опыт имел место в период распространения COVID-19 (Oehme et al., 2021, p. 134).

Соответственно, использование судебного пристава-исполнителя с целью соблюдения прав ребенка и родителя, проживающего отдельно, не противоречит сложившемуся мировому опыту в данной сфере, и, более того, признано достаточно эффективным механизмом.

Полагаем возможным задуматься над тем, чтобы мониторинг виртуального общения при наличии конфликтных ситуаций назначался не на стадии исполнительного производства, как мы предлагаем, а решением суда при подаче заявления по ст. 5.35 КоАП РФ. Это будет, с одной стороны, соответствовать международной практике и основным началам семейного законодательства, с другой — усложнять и увеличивать по времени весь процесс обеспечения исполнения решения суда. Предположим кейс: есть решение суда об определении порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, которое не исполняется, соответственно, необходимо возбудить исполнительное производство. Если мы используем предложенный алгоритм, то у нас будут зафиксированные доказательства для суда. Если мониторинг виртуального общения будет назначаться решением суда после отдельного разбирательства, то какие доказательства сторона сможет представить? Считаем, что данный вопрос нуждается в дополнительном рассмотрении, и исследуем его в ближайшем будущем.

Полагаем, что осведомленность участников о мониторинге виртуального общения не имеет принципиального значения. Корректировка поведения под влиянием такого контроля сама по себе означает достижение искомой цели — обеспечение надлежащего общения ребенка с отдельно проживающим родителем. Напротив, неспособность или нежелание участника адаптировать свое поведение косвенно свидетельствует о его родительской недобросовестности, независимо от того, исходит ли это от матери или отца. Данные мониторинга могут впоследствии использоваться как доказательства в иных судебных процессах: об уклонении от исполнения родительских обязанностей, о злостном неисполнении судебного решения с возможной передачей ребенка другому родителю и т. д. При этом ключевая функция приложения «Территория общения и доверия» — именно *обеспечение коммуникации*, а решение об использовании отчетов судебного пристава-исполнителя остается прерогативой заинтересованных родителей и ребенка, достигшего четырнадцатилетнего возраста. Предлагаемая модель разрешения проблемы поддержания общения родителей с ребенком, на наш взгляд, соответствует конституционному принципу неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) и основным началам семейного законодательства, в частности недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 СК РФ), а также правам ребенка, закрепленным в СК РФ и Конвенции о правах ребенка⁵³. В контексте особой конституционной и правовой ценности детства баланс прав на неприкосновенность частной жизни и родительских прав не может быть нарушен, поскольку использование такой модели направлено на заботу о нравственности, физической и психической безопасности ребен-

⁵² К такому выводу пришел, к примеру, финский законодатель. См.: Laki lapsen huollosta ja tapaamisoikeudesta annetun lain muuttamisesta (Act Amending the Child Custody and Visitation Rights Act) (Fin.), 190/2019, 9 b § (8 Feb. 2019), <https://www.finlex.fi/api/media/statute/696127/mainPdf/main.pdf?timestamp=2019-02-07T22%3A00%3A00.000Z>

⁵³ Конвенция о правах ребенка, принята 20 ноября 1989 г., Сборник договоров ООН, т. 1577, с. 3.

ка, имеет целью обеспечение его наилучших интересов в контексте сохранения родственных отношений и преемственности поколений как традиционной семейной ценности. По аналогии можно использовать постановление Конституционного Суда РФ, который не нашел подтверждения нарушения Конституции РФ при использовании одним из разведенных родителей программных средств родительского контроля, даже если при этом станут известны какие-либо факты семейной жизни другого родителя: «...родитель в ситуации, которую он субъективно оценивает как представляющую реальную угрозу для интересов его ребенка, достаточно ограничен в выборе способов установления и подтверждения ненадлежащего характера поведения по отношению к ребенку других лиц для последующего принятия своевременных и необходимых мер... если ситуация, повлекшая соби́рание сведений с использованием соответствующего программного средства, рассматривается родителем как представляющая угрозу для физической неприкосновенности ребенка или его формирующейся психики с достаточной степенью обоснованности (не исключая и указанного добросовестного заблуждения), это не может не учитываться при уголовно-правовой оценке соответствующего деяния. Иное не согласовывалось бы с целями конституционно-правовой закрепления приоритетности детей в государственной политике России, а также с критериями соразмерности ограничения прав»⁵⁴. Полагаем, что все вышесказанное может быть применимо и к использованию приложения «Территория общения и доверия», поскольку при отсутствии конфликта и жалобы данные, как уже было сказано, не будут сохраняться, а при их возникновении можно говорить об угрозе наилучшим интересам ребенка, его психике и семейным ценностям и, соответственно, участие судебных приставов-исполнителей обоснованно.

В идеале приложение «Территория общения и доверия» должно быть интегрировано с Федеральной государственной информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и ГАС «Правосудие» для автоматической передачи данных. Важно создать интерфейс (*Application Programming Interface, API*) для обмена данными с государственными системами в режиме реального времени, применять зашифрованные каналы связи для защиты данных. Возможна адаптация интерфейса приложения для подготовки отчетов в формате, принятом судебными органами.

Использование такого типа цифрового инструмента обладает следующими значимыми преимуществами.

- Обеспечение нейтральной среды, позволяющей исключить ребенка из центра конфликта и ограничить его участие в напряженных, а подчас и токсичных, отношениях между родителями, делая невозможным или затруднительным возложение на него роли передатчика информации.
- Обеспечение кибербезопасной среды, позволяющей предотвратить взломы аккаунтов несовершеннолетних.
- Устранение чувства вины и тревожности у несовершеннолетних, использующих современные средства связи втайне от родителя, проживающего с ними. Дети не должны быть вынуждены выбирать между родителями, если те расторгли брак.

Данное цифровое приложение позволит:

- в сжатые сроки уведомить соответствующие государственные органы о нарушениях в отношении права ребенка и родителя, проживающего отдельно, на общение или иных нарушениях прав ребенка;

⁵⁴ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» от 18 января 2024 г. № 2-П.

- предоставлять объективные данные для правоохранительных и иных органов при подаче заявления о возбуждении дела по ч. 2 и (или) 3 ст. 5.35 КоАП РФ и для судебных разбирательств;
- адаптировать документацию и отчеты для российских судов и правоохранительных органов. Наше предложение полностью соответствует современному законодательству, не противоречит сложившейся судебной практике и отвечает перспективам цифровизации⁵⁵ и национальным целям развития Российской Федерации⁵⁶.

Риски внедрения и использования приложения «Территория общения и доверия»

Среди основных рисков эффективного использования приложения «Территория общения и доверия» как инструмента, обеспечивающего дополнительный вид общения разведенного родителя и ребенка, необходимо выделить вмешательство родителя, с которым проживает ребенок. Вмешательство может происходить различными способами, но наименее контролируруемыми и, следовательно, наиболее опасными для сохранения теплых родственных отношений являются непредоставление ребенку тихого и уединенного пространства для общения (Saini et al., 2013, p. 132), намеренное создание шумового фона, активное и агрессивное вмешательство в онлайн-общение, подслушивание разговора и т. д.

К примеру, § 153.015(c) Семейного кодекса Техаса закрепляет обязанность родителей обеспечивать «электронное общение с ребенком с соблюдением той же конфиденциальности, уважения и достоинства, которые предоставляются всем другим формам доступа» во время разговора с другим родителем⁵⁷.

В свою очередь, § 3100 Семейного кодекса Калифорнии⁵⁸ содержит строгий запрет (под угрозой уголовного наказания) на умышленное и без согласия всех сторон конфиденциальной коммуникации использование электронного устройства для усиления или записи звука с целью подслушивания или записи конфиденциальной коммуникации, независимо от того, осуществляется ли коммуникация между сторонами в их присутствии или с помощью телеграфа, телефона или другого устройства (§ 632 Уголовного кодекса Калифорнии⁵⁹).

Полагаем, что уголовное наказание не отвечает целям сохранения родственных отношений и является чрезмерным. Предлагаем квалифицировать такие действия родителей по ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ, используя в качестве доказательств данные, полученные благодаря использованию приложения «Территория общения и доверия». Соответственно, текстовые сообщения или видеозаписи, сохраненные после возбуждения исполнительного производства и свидетельствующие о пренебрежении или ненадлежащих ситуациях, потенциально могут быть использованы в делах об изменении условий определения места жительства ребенка при соблюдении правил доказывания и конфиденциальности.

⁵⁵ Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», от 9 мая 2017 г. № 203, *Собрание законодательства РФ* 2017, № 20, Ст. 2901.

⁵⁶ Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309. *Собрание законодательства РФ*. 2024, № 20, Ст. 2584.

⁵⁷ *Tex. Fam. Code Ann.* § 153.015 (2025), <https://statutes.capitol.texas.gov/Docs/FA/htm/FA.153.htm#153.015>

⁵⁸ *Cal. Fam. Code* § 3100 (2024), https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?lawCode=FAM&sectionNum=3100

⁵⁹ *Cal. Penal Code* § 632 (2024), https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?sectionNum=632&lawCode=PEN

Разработка процедуры комплаенса защиты персональных данных (*privacy compliance*) для такой платформы является критичным аспектом, поскольку при использовании данной платформы будет непрерывно осуществляться передача данных о личной и семейной жизни физических лиц, их косвенная и прямая обработка и хранение.

Основная цель данной процедуры приложения «Территория общения и доверия» может заключаться в обеспечении защиты персональных данных пользователей (родителей, детей), минимизации рисков нарушения конфиденциальности и соответствии национальным и международным законам.

Отметим, что многие государства фокусируются на принятии законодательных актов о защите персональных данных. Так, в 2018 г. вступил в силу европейский Общий регламент о защите персональных данных (*GDPR*)⁶⁰, в 2020 г. — Закон Бразилии «О защите персональных данных» (*Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais*)⁶¹. В 2023 г. был принят Закон Индии о защите цифровых персональных данных (*Digital Personal Data Protection Act*)⁶². Большинство нормативно-правовых актов о защите персональных данных требуют от компаний создания систем со встроенной защитой персональных данных (*privacy by design*) и систем конфиденциальности по умолчанию (*privacy by default*).

В России аналогом таких актов является Федеральный закон «О персональных данных»⁶³. Этот закон с учетом национальных особенностей регулирует сбор, обработку, хранение и защиту персональных данных граждан:

- 1) согласия субъектов данных на обработку их информации;
- 2) обеспечения безопасности данных и соблюдения прав пользователей, таких как доступ и удаление данных.

В последние годы ужесточаются требования к компаниям по локализации данных и увеличиваются штрафы за нарушения в области цифровой безопасности⁶⁴.

Одним из явных рисков для физических лиц в связи с использованием платформы будет ограниченный контроль над персональными данными. По сути, у пользователей нет абсолютного права на данные (видеозаписи, аудиозаписи, текстовые сообщения), которые находятся в личном кабинете или в архивах приложения. Ни один из пользователей платформы не может что-либо удалить или отредактировать. Однако, хотя структура такого приложения ограничивает возможности пользователей по управлению личной и семейной информацией, заархивированные данные должны храниться в базах, поскольку могут являться доказательствами в спорах о воспитании детей. Соответственно, возникает оправданное беспокойство по поводу таких опасностей, как взлом баз приложения, возможные действия недобросовестных сотрудников, обеспечивающих работу платформы.

Возможное решение нам видится в следующих аспектах обращения с данными пользователей.

⁶⁰ Regulation 2016/679, of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), 2016 O.J. (L 119) 1.

⁶¹ Lei No. 13.709, de 14 de Agosto de 2018, as amended by Lei No. 13.853, de 8 de Julho de 2019, Diário Oficial da União de 8 Setembro 2019 (Braz.).

⁶² Digital Personal Data Protection Act, 2023, No. 22 of 2023 (India).

⁶³ Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 2006, № 31 (1 ч.), Ст. 3451.

⁶⁴ С 30 мая 2025 года увеличены размеры штрафов по общему составу нарушения в области персональных данных, введены новые составы (Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.11.2024 № 420-ФЗ, <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411300011>).

1. Обработка данных физических лиц

Согласие на обработку персональных данных несовершеннолетних по общему правилу предоставляется законными представителями⁶⁵. Однако, поскольку ранее нами продвигался тезис об установлении решением суда графика виртуального общения ребенка с его родителем, данное требование вступает в системное противоречие с нормами семейного права. Отказ одного родителя предоставить согласие на виртуальное общение, при наличии вступившего в силу судебного акта о порядке общения, на наш взгляд, не имеет юридической силы (один из родителей не вправе самостоятельно запретить общаться ребенку с другим родителем) и может рассматриваться как нарушение права родителя и ребенка на общение, так и неисполнение судебного решения.

Однако мы понимаем, что, во-первых, необходимо обеспечить соблюдение Федерального закона «О персональных данных» и Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶⁶, а во-вторых, это предложение вызовет у ряда родителей недовольство. Но любое иное решение повлечет за собой возможность родителя, с которым определено место проживания ребенка, злоупотреблять своими родительскими правами, отказывая в предоставлении такого согласия. С другой стороны, можно соблюсти требования упомянутых федеральных законов, предоставив право давать согласие на обработку данных несовершеннолетнего родителю, проживающему отдельно. Ведь согласно российскому законодательству права родителей равны вне зависимости от того, с кем из них проживает ребенок. Либо можно квалифицировать отказ родителя, совместно проживающего с ребенком, предоставить согласие на обработку персональных данных как злоупотребление правом и форму фактического уклонения от исполнения, вступившего в законную силу судебного акта, определяющего порядок общения с ребенком (по логике ст. 10 ГК РФ и ст. 55, 66 СК РФ). В подобных случаях правовым основанием обработки данных целесообразно рассматривать необходимость исполнения обязанностей, вытекающих из судебного решения (абз. 3.1 ч. 1 ст. 6 и ч. 8. ст. 9 ФЗ «О персональных данных»). Еще одним вариантом решения этого вопроса могло бы быть (в известной мере условно) применение оговорки о личных и семейных нуждах (ч. 2 ст. 1 ФЗ «О персональных данных»), выводящая такую обработку из общего режима ФЗ «О персональных данных», поскольку она будет осуществляться исключительно для организации и поддержания общения (без избыточного распространения данных и при не нарушении прав ребенка).

В любом случае данный вопрос остается за рамками настоящей научной работы и подлежит дальнейшему изучению.

Должны соблюдаться стандарты для ИИ и обязательно национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО/МЭК 42001-2024 «Искусственным интеллект. Система менеджмента»⁶⁷, идентичный международному стандарту ISO/IEC 42001:2023⁶⁸. В перспективе, при выходе платформы за пределы национального рынка потребуются соответствие требованиям европейского

⁶⁵ Ч. 6 ст. 9 Федерального закона «О персональных данных».

⁶⁶ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 2006, №31 (1 ч.), Ст. 3448.

⁶⁷ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО/МЭК 42001-2024 «Искусственный интеллект. Система менеджмента», утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1549-ст.

⁶⁸ International Organization for Standardization. (2023). *ISO/IEC 42001:2023: Information technology – Artificial intelligence – Management system*. <https://www.iso.org/standard/42001>

Общего регламента о защите персональных данных⁶⁹, Регламенту ЕС № 2024/1689 об установлении согласованных правил в отношении искусственного интеллекта⁷⁰ или аналогичным национальным законам иных стран о защите данных и ИИ, а также стандарту ISO/IEC 27701:2019 (расширяющий ISO/IEC 27001 и ISO/IEC 27002) в части управления режимом конфиденциальности данных и их трансграничной передачей⁷¹.

2. Хранение данных

ИИ на данной платформе должен собирать данные, исходя из принципа минимизации⁷². Подсистема ИИ на основе мультимодальных моделей не будет сохранять анализируемые данные, за исключением случаев прямого указания пользователей или модераторов приложения (например, судебных приставов-исполнителей). Предлагается использовать ответственные мультимодальные модели на основе решений компаний «Яндекс» и «Сбер». При фиксировании конфликтных ситуаций, полагаем, нет необходимости устанавливать длительный срок хранения, достаточно одного года, а затем необходимо их анонимизировать.

3. Передача данных

Передача должна осуществляться только шифрованная, причем с шифрованием данных в покое и транзите (*Advanced Encryption Standard (AES)* 256 или выше). Нужно обеспечить прозрачность алгоритмов, осуществлять регулярные аудиты и пентесты (не реже одного раза в полгода и после значительных обновлений). Необходимо закрепить обязанность уведомлять пользователей в течении суток в случае взлома и утечки данных.

Стоимость разработки такой платформы может сильно варьироваться в зависимости от деталей: платформ (*iOS, Android*, веб-версия для ПК), уровня кастомизации нейросети, глубины интеграции с Госуслугами (требует API-доступа и соблюдения регуляций), функционала «виртуального родительства» (чат-боты, видео, аналитика).

Заключение

После расторжения брака возникает сложная ситуация, требующая государственного обеспечения взаимодействия всех трех субъектов родительского правоотношения, чтобы гарантировать благополучие ребенка и удовлетворить интересы обоих родителей.

⁶⁹ Regulation 2016/679, of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), 2016 O.J. (L 119) 1.

⁷⁰ Regulation 2024/1689, of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence and Amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act), 2024 O.J. (L 1689) 1.

⁷¹ International Organization for Standardization. (2023). *ISO/IEC 27701:2019: Security techniques – Extension to ISO/IEC 27001 and ISO/IEC 27002 for privacy information management – Requirements and guidelines*. <https://www.iso.org/ru/standard/71670.html>

⁷² Принцип минимализма в искусственном интеллекте основывается на требованиях ст. 5 Федерального закона «О персональных данных» (соответствие объема данных целям обработки и запрет на избыточность) и интерпретируется нами как пропорциональность: «собирай и обрабатывай ровно столько данных, сколько нужно для заявленных целей».

Всем детям приходится адаптироваться к жизни с одним родителем вместо двух, и этот процесс для большинства достаточно сложен. Одной из важнейших проблем является поддержание контакта и отношений с родителями, не проживающими с ними. Дети, которые не виделись с родителями, живущими отдельно, так часто, как им хотелось бы, или не имели контакта с родителями, не проживающими с ними, склонны сильнее переживать разлуку.

Постоянное и неоднократное создание препятствий, за исключением особых случаев, когда это вредит интересам ребенка, инструментализация детей, которая заключается не только в использовании несовершеннолетних для причинения вреда бывшему партнеру (возможно, путем лишения их возможности пользоваться правом на общение), но и в навязывании им ролей, которые не подходят ни для их возраста, ни для ситуации, в которой они находятся, ни для защищенного положения, которое должно быть им гарантировано в рамках семейной ячейки, являются недопустимыми.

«Виртуальное родительство», несмотря на то что является относительно новой концепцией, законодательно урегулировано в ряде стран. Более того, на мировом рынке в настоящее время достаточно много онлайн-приложений, позволяющих осуществлять онлайн-общение в рамках договоренностей разведенных родителей, а в отдельных государствах родителей обязуют использовать такой вид приложений.

Проведенное исследование показало, что российское законодательство не содержит норм, препятствующих включению в решение суда графика «виртуального родительства» как дополнительного средства общения с ребенком. На наш взгляд, рекомендации Верховного Суда РФ по обязательному включению периода «виртуального родительства» позволили бы сохранить эмоциональные и родственные отношения.

В исследовании предложены разработка, внедрение и варианты использования приложения с предлагаемым названием «Территория общения и доверия» с применением ИИ, интегрированного с государственными структурами, для предоставления цифрового коммуникативного пространства для общения разведенных родителей с ребенком и фиксации нарушений порядка общения.

Отметим, что, как и все остальное, программное обеспечение для совместной работы может быть использовано разведенными родителями недобросовестно, если они не готовы ставить интересы детей на первое место. Но, используя ее, все же можно снизить вероятность враждебного взаимодействия и исключить детей из взаимных эмоциональных разбирательств, а также помочь родителям сформировать нейтральные отношения ради благополучия своих детей. Благодаря доступным цифровым технологиям дети быстрее и легче адаптируются к периоду постразводных отношений, будучи уверенными в том, что смогут поговорить с одним или обоими родителями в любое время при необходимости и не испытывать при этом чувство вины.

Список литературы / References

1. Arditti, J. A., & Keith, T. Z. (1993). Visitation frequency, child support payment, and the father–child relationship postdivorce. *Journal of Marriage and Family*, 55(3), 699–712. <https://doi.org/10.2307/353350>
2. Augustijn, L., Claessens, E., Miettinen, A., Hakovirta, M., Mortelmans, D., Riser, Q., & Steinbach, A. (2025). Joint physical custody and mothers' life satisfaction in Belgium, Finland, and Germany. *Journal of Family Studies*, 31(3), 508–527. <https://doi.org/10.1080/13229400.2025.2451192>

3. Augustijn, L. (2022). The association between joint physical custody and children's mental health. Do children's experiences of parental loyalty conflicts moderate the relationship? *Children & Society*, 36, 494–510. <https://doi.org/10.1111/chso.12508>
4. Berman, R., & Daneback, K. (2022). Children in dual-residence arrangements: A literature review. *Journal of Family Studies*, 28(4), 1448–1465. <https://doi.org/10.1080/13229400.2020.1838317>
5. Bergström, M., Salari, R., Hjern, A., Hognäs, R., Bergqvist, K., & Fransson, E. (2021). Importance of living arrangements and coparenting quality for young children's mental health after parental divorce: A cross-sectional parental survey. *BMJ Paediatrics Open*, 5(1), Article e000657. <https://doi.org/10.1136/bmjpo-2020-000657>
6. Bjarnason, T., & Amarsson, A. (2011). Joint physical custody and communication with parents: A cross-national study of children in 36 western countries. *Journal of Comparative Family Studies*, 42(6), 871–890. <https://doi.org/10.3138/jcfs.42.6.871>
7. Campbell, A. J. (2020). Children's privacy laws must be strengthened and enforced. *JAMA Pediatrics*, 174(12), Article e203393. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.3393>
8. Cancian, M., Meyer, D. R., Brown, P. R., & Cook, S. T. (2014). Who gets custody now? Dramatic changes in children's living arrangements after divorce. *Demography*, 51(4), 1381–1396. <https://doi.org/10.1007/s13524-014-0307-8>
9. Das, G., Cheung, C., Nebeker, C., Bietz, M., & Bloss, C. (2018). Privacy policies for apps targeted toward youth: Descriptive analysis of readability. *JMIR Mhealth Uhealth*, 6(1), Article e3. <https://doi.org/10.2196/mhealth.7626>
10. Dunas, D. (2020). Sotsializatsiya i samorealizatsiya kak klyuchevyye motivy mediapotrebniya [Socialization and self-realization as key motives of media consumption]. *Medi@lmanah*, (5), 25–34. <https://doi.org/10.30547/medialmanah.5.2020.2534>
11. Ernilova, A. V. (2015). Razvod glazami rebyonka: sotsiologicheskii aspekt [Divorce through the eyes of a child: A sociological perspective]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye Nauki*, (1), 115–120.
12. Filippova, T. A., & Titarenko, E. P. (2022) Ispolneniye soglasheniy v semeynom prave: probely pravovogo regulirovaniya [Performance of agreements in family law: Legal regulation gaps]. *Semeynoye i Zhilishchnoye Pravo*, (2), 29–32. <https://doi.org/10.18572/1999-477X-2022-2-29-32>
13. Flaquer, L. (2020). Shared parenting after separation and divorce in Europe in the context of the second demographic transition. In A.- M. Castrén, V. Česnuitytè, I. Crespi, J.- A. Gauthier, R. Gouveia, C. Martin, A. M. Mínguez, K. Suwada (Eds.), *The Palgrave handbook of family sociology in Europe* (pp. 377–398). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73306-3_19
14. Hakovirta, M., Meyer, D. R., Salin, M., Lindroos, E., & Haapanen, M. (2023). Joint physical custody of children in Europe: A growing phenomenon. *Demographic Research*, 49, 479–492. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2023.49.18>
15. Härkönen, J., Bernardi, F., & Boertien D. (2017). Family dynamics and child outcomes: An overview of research and open questions. *European Journal of Population*, 33(2), 163–184. <https://doi.org/10.1007/s10680-017-9424-6>
16. Haux, T., & Platt, L. (2021). Fathers' involvement with their children before and after separation. *European Journal of Population*, 37(1), 151–177. <https://doi.org/10.1007/s10680-020-09563-z>
17. Hetherington, E. M., & Stanley-Hagan, M. H. (2002). Parenting in divorced and remarried families. In M. H. Bornstein (Ed.), *Handbook of parenting: Being and becoming a parent* (2nd ed., pp. 287–315). Lawrence Erlbaum Associates Publishers.

18. Helms, T., Steinbach, A., & Augustijn, L. (2023). Joint physical custody in Germany: Legal framework and results of the Family Models in Germany (FAMOD) study. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 37(1), Article ebad010. <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebad010>
19. Kairiene, B., Valackienė, A., & Blauzdžiūnaitė-Pavlovič, J. (2022). Ensuring the child's right to communication with both parents in the context of parental divorce: A Lithuanian case study. *Journal of Teacher Education for Sustainability*, 24(2), 67–82. <https://doi.org/10.2478/jtes-2022-0017>
20. Kalmijn, M. (2013). Long-term effects of divorce on parent – child relationships: Within-family comparisons of fathers and mothers. *European Sociological Review*, 29(5), 888–898. <https://doi.org/10.1093/esr/jcs066/>
21. Kletsina, I. S. (2015). Situatsiya razvoda kak predmet otechestvennykh sotsiologicheskikh i sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy semeynykh otnosheniy [Divorce in Russian sociological and social psychological research on family relationships]. *Social Psychology and Society*, 6(3), 30-45. <https://doi.org/10.17759/sps.2015060303>
22. Marschall, A. (2017). When everyday life is double looped. Exploring children's (and parents') perspectives on post-divorce family life with two households. *Children and Society*, 31(5), 342–352. <https://doi.org/10.1111/chso.12202>
23. Merla L., Dedonder J., & Baar M. (2025). Judicial treatment of applications for joint physical custody in Belgium: Criteria considered and underlying family normativities. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 39(1), Article ebaf015. <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebaf015>
24. Murru, S., & Merla, L. (2025). Residential calendars in joint physical custody arrangements beyond the week on/week off model: Experiences of frequent alternating schedules and parental co-presence in Italy. *Child & Family Social Work*. 30(1), 1–14. <https://doi.org/10.1111/CFS.70021>
25. Meyer, D. R., Salin, M., Lindroos, E., & Hakovirta, M. (2025). Sharing responsibilities for children after separation: A European perspective. *Family Transitions*, 66(1–2), 27–55. <https://doi.org/10.1080/28375300.2024.2423432>
26. Mikhalev, A. V. (2025) Vyyavleniye modeley povedeniya molodozhi v sotsial'nykh setyakh na osnove internet-analitiki [Identification of youth behavior patterns in social networks based on internet analytics]. *Prakticheskii Marketing*, (7), 22–27. <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2025-7337-22-27>
27. Mikheeva, L. Yu. (2004). *Opeka i popechitel'svo: teoriya i praktika* [Custody and guardianship: Theory and practice]. Wolters Kluwer.
28. Institutsii Iustiniana [The Institutes of Justinian] (D. Rassner, Trans.; L. L. Kofanov & V. A. Tomsinov, Eds.). (1998). Zertsalo. (Original work published ca. 533 C. E.).
29. Oehme, K., O'Rourke, K. S., & Bradley, L. (2021). Online virtual supervised visitation during the COVID-19 pandemic: One state's experience. *Family Court Review*, 59(1), 131–143. <https://doi.org/10.1111/fcre.12555>
30. Olifirovich, N., Zinkevich-Kuzemkina T. A., & Velenta T. F. (2006). *Psikhologiya semeynykh krizisov* [Psychology of family crises]. Rech.
31. Ortega-Gaspar, M., Moreno-Mínguez, A., & López-Narbona, A. (2021). Impact of joint physical custody and best interest of the child: Reflections from a critical review of empirical studies. *Journal of Divorce & Remarriage*, 63(2), 101–119. <https://doi.org/10.1080/10502556.2021.1993014>
32. Palkovitz, R. (2019). Expanding our focus from father involvement to father–child relationship quality. *Journal of Family Theory & Review*, 11(4), 576–591. <https://doi.org/10.1111/jftr.12352>
33. Pavlenko, E. M. (2021). Obespecheniye nailuchshikh interesov i bezopasnosti detey: mezhdunarodnyye standarty i praktika v Rossii [Ensuring the best interests and safety of children: International standards and practice in Russia]. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskiye Nauki*, 4(44), 75–84. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.44.4.08>

34. Payne, J. L., Smyth, B. M., Irving, M., Heard, G., & Althor, G. (2022). Family law professionals' views of post-separation parenting apps. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 36(1), Article ebac029. <https://doi.org/10.1093/lawfam/ebac029>
35. Perkins, K. L. (2019). Changes in household composition and children's educational attainment. *Demography*, 56(2), 525–548. <https://doi.org/10.1007/s13524-018-0757-5>
36. Poli, M. (2023). *The impact of the best interests of the child on shared parenting and joint custody* [Doctoral dissertation, University of Turin & University of Antwerp]. University of Turin Campus Repository. https://iris.unito.it/retrieve/1f0c23ad-8f6e-40f1-9938-dfdf35b2107a/Marco%20Poli_JointPhD_The%20Impact%20of%20the%20Best%20Interests%20of%20the%20Child%20%20%20on%20Shared%20Parenting%20and%20Joint%20Custody%20%20.pdf
37. Poortman, A. R., & van Gaalen, R. (2017). Shared residence after separation: A review and new findings from the Netherlands. *Family Court Review*, 55(4), 531–544. <https://doi.org/10.1111/fcre.12302>
38. Pyankova, A. F. (2025) Opredeleniye mesta zhitel'stva rebenka: v poiskakh balansa interesov [Determining the child's place of residence: In search of a balance of interests]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, (7), 59–67. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.131.7.059-067>
39. Raley, R. K., & Sweeney, M. M. (2020). Divorce, repartnering, and stepfamilies: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, 82(1), 81–99. <https://doi.org/10.1111/jomf.12651>
40. Safira, R., & Rozatul, J. (2025). The effects of parental divorce on children's self-confidence and independence. *Socrates: Journal of Education, Philosophy and Psychology*, 1(4), 88–93. <https://doi.org/10.63217/socrates.v1i4.168>
41. Saini, M., Mishna, F., Barnes, J., & Polak, S. (2013). Parenting online: An exploration of virtual parenting time in the context of separation and divorce. *Journal of Child Custody*, 10(2), 120–140. <https://doi.org/10.1080/15379418.2013.796265>
42. Sinelnikov, A. (2023). Sotsial'naya priyemlost' ob'yektivnykh i sub'yektivnykh prichin dlya razvoda v sovremennoy Rossii [Social acceptability of objective and subjective reasons for divorce in modern Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 75–83. <https://doi.org/10.31857/S013216250022703-6>
43. Spaan, J., van Gaalen, R., & Kalmijn, M. (2022). Disentangling the long-term effects of divorce circumstances on father-child closeness in adulthood: A mediation analysis. *European Journal of Population*, 38(5), 1183–1211. <https://doi.org/10.1007/s10680-022-09636-1>
44. Steinsbekk, S., Bjørklund, O., Valkenburg, P., Nesi, J., & Wichstrøm, L. (2024). The new social landscape: Relationships among social media use, social skills, and offline friendships from age 10–18 years. *Computers in Human Behavior*, 156, Article 108235. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108235>
45. Steinbach, A., Augustijn, L., & Corkadi, G. (2021). Joint physical custody and adolescents' life satisfaction in 37 North American and European countries. *Family Process*, 60(1), 145–158. <https://doi.org/10.1111/famp.12536>
46. Steinbach, A. (2019). Children's and parents' well-being in joint physical custody: A literature review. *Family Process*, 58(2), 353–369. <https://doi.org/10.1111/famp.12372>
47. Temizyürek, K. (2018). Die richterliche Kindesanhörung: Bindungsfürsorge, Bindungstoleranz, Bindungsblockade [The judicial hearing of the child: Attachment caregiving, attachment tolerance, attachment blockade]. *Zeitschrift für Kindschaftsrecht und Jugendhilfe*, (8), 301–306. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.6126647>
48. Toews, M. L., & McKenry, P. C. (2001). Court-related predictors of parental cooperation and conflict after divorce. *Journal of Divorce & Remarriage*, 35(1–2), 57–73. https://doi.org/10.1300/J087v35n01_03
49. Van Spijker, F., Kalmijn, M., & van Gaalen R. (2022). The long-term improvement in father-child relationships after divorce: Descriptive findings from the Netherlands. *Demographic Research*, 46(15), 441–452. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.46.15>

50. Zartler, U. (2021). Children and parents after separation. In N. F. Schneider and M. Kreyenfeld (Eds.), *Research handbook on the sociology of the family* (pp. 300–313). Edward Elgar. <https://doi.org/10.4337/9781788975544.00029>

Сведения об авторе:

Ерохина Е. В. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, юридический факультет, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия.

erohina.elena2020@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5793-2736>

Information about the author:

Elena V. Erokhina — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

erohina.elena2020@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5793-2736>